

НАРОДНЫЙ АРТИСТ
СССР
ЮРИЙ НИКУЛИН

Печатается
с продолжением

Я тут же узнал, что Борис Романов воспитывался в детдоме, его учебу в театральном техническом училище (он хотел стать гримером) прервала война. Конечно, тогда я и не предполагал, что мы станем друзьями, и мало того — партнерами, что Бориса примут у нас дома, полюбят, и он станет завсегдатаем вечеров в Токмакове.

В три часа дня закончился последний тур, а в шесть часов вечера вышел какой-то человек со списком и буднично, в алфавитном порядке прочел фамилии всех принятых. Среди них был и Юрий Никулин. Всего в студию взяли 18 человек, а пять человек зачислили кандидатами.

НЕ БЫЛО ПОСЫЛА

«Подсадка: цирковой прием, основанный на включении в номер, главным образом с комических целях, артиста под видом зрителя». (Цирковая энциклопедия).

Занимаясь в студии, мы дневали и ночевали в цирке. Спустя два месяца нас начали занимать в подсадках, парадах.

Первая подсадка, через которую прошли по очереди все наши студийцы, — у клоунов Демаша и Мозеля (по афише Жак и Мориц) в клоунаде «Шапки».

Требовалось изображать зрителя, сидящего с кепкой в руках. Клоуны брали кепку и в пылу спора, как бы невзначай, вырывая ее друг у друга, отрывали козырек. Зритель-подсадка, сидящий в первом ряду, к великой радости публики, переживал, нервничал. Правда, в конце клоунады выяснялось, что кепка целая, а разрывали другую. Ловкой подмены кепок никто в публике не замечал.

Помню, с каким трепетом готовился к первой в моей жизни подсадке.

Сидел дома и долго думал, как же сделать, чтобы все выглядело естественным? Решил взять с собой книгу (буду выглядеть студентом, пришедшим в цирк), которая должна случайно упасть на пол...

Во время клоунады волновался, но сделал все правильно, и зрители смеялись. В антракте за кулисами подошла ко мне жена Мозеля и сказала:

— А вы молодец! Все сделали точно. Настолько, что я на секунду даже испугалась, — у того ли человека взял муж кепку (она не знала меня в лицо). У вас такой глупый вид, вы так хорошо испугались, молодец!

Демашу и Мозеля тоже понравилось, и они обратились к руководству студии, чтобы по субботам и воскресеньям (самые ответственные дни в цирке) в подсадке занимали только меня.

Многие мои товарищи шли в подсадку неохотно. Так, в клоунаде «Медиум» сидящего в подсадке бьют по голове палкой и выгоняют из зала. Поэтому некоторые из моих друзей, считая это унижением для себя, увиливали от подсадки. А я шел, считая, что любое участие в представлении идет на пользу...

На уроках актерского мастерства мы вместе с педагогами разбирали работу в подсадке. Все действия анализировались по кускам, много говорилось о внутреннем состоянии актеров.

С «внутренним состоянием» у Бориса Романова вышел конфликт. Его попросили в кульминационный момент клоунады «Печень» в исполнении клоунов Любимого и Гурского встать со стула и таким образом дать сигнал артистам, что пора кончать антра.

Но Романов почему-то не встал в это время и в общем-то смазал финал клоунады.

Вне себя от ярости кричал за кулисами Гурский, размахивая своими исписанными руками (Гурский писал на пальцах и на ладони текст клоунады, который всегда плохо знал).

— Где этот подлец, который нас опозорил на публике?!

Побледневший Романов вежливо и тихо отвечал:

— Понимаете, по внутреннему состоянию не возникло у меня посылы, чтобы я встал. По Станиславскому, если бы я встал, было бы неоправданно.

«Внутреннее состояние» сначала лишило Гурского дара речи, а потом он заорал хорошо поставленным голосом:

— Да плевать я хотел на твой посыл! Тоже мне генерал! Видите ли, у него нет посылы!!! Вот я тебя пошлю сейчас...

С тех пор Борис Романов в подсадках у Гурского не участвовал...

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Из небольшого этюда, который мы с Борисом Романовым условно назвали «Сценка у художника», отец придумал клоунаду «Натурщик и халтурщик», над которой мы серьезно работали. Эскизы для клоунады сделал известный художник «Крокодила» К. Елисеев, ставил ее режиссер М. Местечкин.

Сюжет несложный: художник-халтурщик (Борис Романов) берет меня натурщиком для своей картины «Галоп эпохи». Натурщик верхом на стуле, как на коне, на нем пожарная каска, а в руках пика.

Ко всему этому у натурщика болит зуб, и от флюса распухла щека. Поэтому он все время вскакивает с воображаемого коня и орет от боли. Чтобы успокоить боль, художник дает натурщику несколько раз глотнуть спирта. Он начинает спьяну петь, танцевать, а в конце, увидев мажню художника, прорывает картину о голову художника.

Репетировали долго. Наконец получили разрешение выступать с клоунадой на манеже. Мы хотели, чтобы нам подыграл Карандаш, работавший в то время в программе Московского цирка. Но он отказался. Несолидно, видимо, считал он, подыгрывать студентам, да и, наверное, антра ему не нравилось.

Первое самостоятельное выступление!

В Цирке!!!

На Манеже!!!

Это произошло 25 октября (такой день запоминается на всю жизнь) 1948 года.

Мы шли седьмым номером в первом отделении. До нас был пролог, посвященный 30-летию ВЛКСМ, потом выступал с дрессированными лошадьми Борис Манжелли, дальше шли Минины с переходной лестницей и другие номера.

Знаменитый инспектор манежа Александр Борисович Буше поставленным голосом объявил:

— Клоуны: Никулин, Романов!

И мы показывали «Халтурщика и натурщика». Работали, как во сне. Публика кое-где смеялась. Но если говорить откровенно, прошли мы весьма среднее. Правда, А. Федорович и все студийцы поздравляли нас с дебютом, говоря, что для первого раза мы прошли хорошо.

На другой день нас сняли с программы, а почему и кто снял, мы выяснить никак не могли.

На память о первом самостоятельном номере, который мы показали на публике, Александр Александрович Федорович подарил мне книгу с теплыми пожеланиями. В книгу он вклеил программу Московского цирка с нашими фамилиями. Эта книга до сих пор стоит у меня на полке: Алексей Толстой — «Хождение по мукам».

Но до этого выступления у меня был еще один выход в манеж. Мне предложили заменить заболевшего партнера Карандаша.

(Начало см. в №№ 224—233).